

А. ДВОРКИН

МИССИОНЕР[1].

1.

21 августа 1890 г. от одесского причала отвалил пароход Добровольного флота “Кострома”. Целью его назначения была Япония. Одним из первых пассажиров прибыл молодой, русоголовый, высокий и худощавый священник с новеньким золотым наперсным крестом. Изумленными глазами провинциала он присматривался к сутолоке и суете порта, к сложным погрузочным механизмам и слаженной работе матросов.

В назначенное время “Кострома” вышла на рейд, где и простояла целый день к величайшему разочарованию и досаде пассажиров, нетерпеливо ожидавших начала путешествия. Молодой священник был одним из самых нетерпеливых. Несколько раз он справлялся у членов команды о времени отправления и сокрушенно разводил руками, когда ему повторяли, что пароход отдаст якоря не раньше двенадцати ночи.

Нетерпеливого пассажира можно было видеть на палубе до самого вечера, но отплытия он так и не дождался: когда в полночь “Кострома” вышла в открытое море, священник крепко спал в своей каюте: накопившаяся за предотъездные дни усталость дала себя знать.

Священника звали иеромонахом Сергием. Он направлялся на миссионерскую работу в Японию по путевке Санкт-Петербургской Духовной Академии.

2.

Иван Николаевич Страгородский родился 11 января 1867 г. в городе Арзамасе Нижегородской губернии. Арзамас был тихим зеленым сонным городком, которого почти не коснулись послереформенные перемены.

На 12000 жителей в городе было 30 церквей, 4 мужских и 3 женских монастыря. Будущий патриарх происходил из старинного священнического рода: священствовали в городе его отец и дед, его тетка Евгения была игуменьей Никольского женского монастыря, и все их предки, насколько они их помнили, принадлежали клиру. Один из них — Сильвестр Страгородский, живший во второй половине XVII в., был даже в епископском сане.

Из своего детства будущий патриарх вынес глубокую традиционную религиозность. Уже будучи епископом он, несмотря на загруженность, находил время для писания акафистов.

Мальчик очень рано лишился матери и рос при Алексеевском женском монастыре, где священствовал его отец. Первыми его друзьями были монахини, окружавшие его сочувствием и лаской.

Все ступени образования мальчик проходил, оставаясь в строго сословных рамках: на восьмом году жизни его отдали в приходское училище, отсюда он был переведен в Арзамасское духовное училище, а затем — в Нижегородскую духовную семинарию. В 1886 г. Иван Николаевич Страгородский закончил семинарию по первому разряду и отправился вольнослушателем в Санкт-

Петербургскую Духовную Академию.

Петербургская Академия в то время славилась своим преподавательским составом. Ветхий Завет читал крупный библеист Ф. Г. Елеонский, автор “Истории израильского народа в Египте” (СПб., 1884). Философию читал М. И. Каринский, специалист по гносеологии Канта, которую он подверг критике в своей работе “Об истинах самоочевидных”. Логику преподавал А. Е. Светилин. Наиболее сильным в Академии было историческое отделение. Там читали курсы И. Ф. Нильский, известный византолог М. О. Коялович, автор “Литовской церковной унии” и “Истории русского самосознания” И. С. Пальмов, крупнейший специалист по истории славянства профессор протоиерей П. Ф. Николаевский (“История Русской Церкви”). Церковную археологию и литургику преподавал известный знаток иконописи Н. В. Покровский. Курс догматики читал земляк И. Н. Страгородского проф. А. Л. Катанский. У него же в свое время иеромонах Сергей писал кандидатскую диссертацию.

После приемных испытаний И. Н. Страгородский был зачислен в Академию на казенный кошт. Учился будущий патриарх хорошо, всегда числился одним из первых, а окончил Академию первым магистрантом.

В то время Петербург был центром революционной активности русского студенчества. Многие студенты Академии входили в антиправительственные кружки и группы. Вот что впоследствии вспоминал об этом времени епископ Сергей:

“Время юности — вообще опасное время, а время студенчества еще более. Сколько тогда было всевозможных искушений, сколько блуждающих огней кругом нас! “Идите к нам, — раздавались обольстительные призывы, — будем вместе работать, будем полезны нашему народу”. Звали нас во всевозможные кружки или общества, звали на панихиды по несчастным выходцам из нашей духовной школы, звали на служение народу... совсем чуждое, если не прямо противное интересам и началам Церкви Православной. Все звали нас на свой путь, соблазняли служить своему богу. И многие откликнулись на этот соблазнительный призыв! Много дорогих питомцев нашей Академии, юношей даровитых и честных, идеально настроенных, потерялось навсегда для Церкви святой, многие из них и погибли потом нравственно и физически...”[2].

Студент Страгородский не воспринял революционный призыв, однако нельзя сказать, что он оставался социально пассивным. Он принимал деятельное участие в проповеднической работе организованного столичным духовенством “Общества распространения религиозно-нравственного просвещения”. Деятельность этого общества представляла единственную альтернативу растущему революционно-атеистическому влиянию на рабочих.

По окончании третьего курса Страгородский провел лето в Валаамском монастыре. Вернувшись оттуда в Петербург, он заявил о желании принять иноческий постриг. 30 января 1890 г. студент Иоанн стал иноком Сергием. Вскоре после этого он был рукоположен во иеродиакона и иеромонаха.

Свою кандидатскую диссертацию на тему “Православное учение о вере и добрых делах” о. Сергей писал у проф. Катанского. Хотя тот был не согласен с позицией автора, подвергшего радикальной критике современное православное богословие, но признал диссертацию выгодно отличающейся от обычных

студенческих сочинений благодаря силе богословской мысли, особенной любви автора к избранной теме, большой, даже редкой для студента начитанности в святоотеческой литературе, умению пользоваться ею и, наконец, многим глубоким мыслям. По мнению проф. Катанского, сами недостатки диссертации искупались юношеской пылкостью души автора. Он рекомендовал работу о. Сергия Ученому совету Академии для поощрения его к дальнейшим трудам.

В субботу 9 июня 1890 г. Советом Академии был утвержден список кандидатов богословия, окончивших курс учения. Иеромонах Сергей занял первое место среди 47 кандидатов-магистрантов. По академическому уставу он должен был остаться при Академии в качестве стипендиата для подготовки к профессорскому званию и работать над магистерской диссертацией, совершенствуя свое кандидатское сочинение. Но “молодой иеромонах пожелал свои теоретические познания <...> подкрепить практической работой на ниве Христовой”, — пишет его биограф[3]. Через два дня по окончании Академии о. Сергей подал заявление на имя ректора Академии епископа Антония с просьбой отправить его на службу в состав Японской православной миссии. В течение двух месяцев прошение прошло все инстанции, и 23 августа 1890 г. Совет Академии, заслушав синодальный указ и резолюцию Митрополита Санкт-Петербургского, постановил передать документы кандидата богословия иеромонаха Сергия в Азиатский департамент Министерства иностранных дел для отправки начальнику Японской духовной миссии епископу Николаю (Касаткину).

Молодой миссионер получил золотой наперсный крест, полагавшийся ему по характеру службы, заграничный паспорт, подъемные и прогонные и отправился к месту назначения.

3.

О. Сергей пробыл в Японии около двух с половиной лет, из которых почти полгода он заменял судового священника на военном крейсере “Память Азова”. Весной 1893 г. ему был вручен указ о переводе в Россию. По возвращении в Санкт-Петербург о. Сергей был назначен исполняющим должность доцента Петербургской Духовной Академии по кафедре Св. Писания Ветхого Завета. Через полтора года, после ряда служебных перемещений, молодой иеромонах был назначен настоятелем Русской посольской церкви в Афинах с возведением в сан архимандрита.

Будучи в Греции, архимандрит Сергей закончил и защитил магистерскую диссертацию на тему “Православное учение о спасении”, которая была воспринята как крупное событие в богословии.

В 1897 г. архимандрит Сергей вновь отправился в Японию помощником начальника Японской духовной миссии и пробыл на этом посту до 1899 г., когда его перевели назад в Россию на должность ректора Петербургской Духовной семинарии.

Все эти годы о. Сергей много писал о Японии, Японской Церкви и о ее основателе и предстоятеле епископе Николае. Многие его статьи, письма и отчеты о миссионерской работе были напечатаны как в церковной, так и в гражданской периодике, а книга “На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера)” даже выдержала несколько изданий, причем весь гонорар с нее о. Сергей перечислил в пользу Японской духовной миссии.

По литературному жанру “Письма миссионера” безусловно относятся к типу “Хождения”, восходящего к “Житию и хождению игумена Даниила из русской земли”, написанному в XII в. Другой литературный предшественник Сергея — русский купец Афанасий Никитин, в XVI в. совершивший путешествие в Индию и оставивший нам свое замечательно интересное “Хождение за три моря”. Иеромонах Сергей, как и его предшественники, о которых писал Д. С. Лихачев, “стремится быть ясным и точным в своих описаниях; чисто литературных задач он не ставит перед собой никаких; ухищрений стиля у него нет. И вместе с тем перед нами прекрасный литературный памятник... написанный рукой человека, умеющего быть внимательным и способного описать то, что он видел”[4].

Но “Письма” Сергея включают в себя гораздо больше, чем описания увиденных мест и встреченных людей: они полны размышлений, выводов и оценок, которыми молодой автор делится со своими читателями. “Письма” вышли из дневниковых записок Сергея и сохраняют свою близость к дневниковому жанру. Тут не может не быть упомянут еще один литературный предшественник японского миссионера — Н. К. Карамзин и его “Письма русского путешественника” (1792).

Читая “Письма”, мы ясно видим их автора — удивительно наблюдательного и зрелого, несмотря на свою молодость; вместе с тем по-юношески горячего и порывистого, любознательного и открытого, как немногие, и, тем не менее, человека своего времени, воспитания и окружения.

Размышляя о жизни китайцев в Гонконге, он возмущается жестокой колониальной политикой англичан[5]. Заметим, однако, что противопоставляемая ей наша русская неустроенность — альтернатива весьма сомнительная; кроме того, эта неустроенность совсем не предотвращала жестокую колониальную эксплуатацию, которой было немало и в Российской Империи.

В этих размышлениях просвечивает и провинциальный комплекс, и наивная патриотическая гордость. Вот, например, ремарка, которую о. Сергей приводит после описания роскошной тропической природы:

“...постоянная роскошь делалась приторной. Хотелось чего-нибудь покислее, погрубее, чего-нибудь вроде нашего квасу или черного хлеба. Здесь уже слишком все было жирно, сладко, сдобно. Мы вспоминали здесь нашу березку. Куда скромнее она, как-то целомудреннее, скромнее и здоровее здешней, распустившейся, намащенной, одуряющей своим благоуханием, разряженной природы. Конечно, это поражает. Но она слишком роскошна, чтобы ее полюбить, чтобы успокоиться среди нее. Она душит, а не успокаивает... Да и фрукты здешние хороши только, когда они редкость, привыкнешь к ним, и

тогда все эти бананы, ананасы и пр. не дадут вам забыть нашего яблока. Где им до него? Не сравниваются никогда”[6].

А вот и другой, еще более яркий пример. После визита на французское судно о. Сергей невольно сравнивает виденную им заграничную роскошь с первобытной простотой “Костромы”. Это невыгодное для русского парохода сравнение неожиданно заканчивается патриотическим демаршем: “Впрочем, у нас гораздо лучше, как там ни хороши все французские каюты”[7].

Но справедливости ради следует заметить, что подобные пассажи встречаются довольно редко, и даже в них автор никогда не перебарщивает. Очевидно, ему помогает природный вкус и хорошее чувство юмора, а главное — христианская настроенность души.

Вот, например, еще одно сравнение. На этот раз речь идет о протестантских и католических миссиях, об их приемах, а затем автор переходит на размышление об отношении этих конфессий к человеку. О. Сергия наводит на это размышление прогулка по английскому кладбищу Гонконга.

“Особенно хорошо английское (кладбище — *А. Д.*): это не кладбище, а самый роскошный парк, убранный с тропическим богатством. Могильные памятники как-то пропадают среди могучей зелени. Жизнь торжествует победу над символами смерти. Одно только неприятно поразит всякого, кто внимательно присмотрится к этому кладбищу: на нем нет ни одного китайского памятника, хотя китайцы-протестанты в городе, несомненно, есть. Культурные англичане, кичащиеся своим знанием Библии и приверженностью к ней, погнушались, очевидно, своими китайскими единоверцами. После мы, гуляя за городом, нашли кладбище китайских протестантов; расположено оно далеко под горой, в овраге. Зброшено, пустынно, неприглядно. Одни кресты говорят, что это христианское кладбище, а не место погребения каких-нибудь преступников и отверженных. Такой сепаратизм не делает чести протестантам. Католики в этом отношении гораздо последовательнее: раз принят человек в церковь, им не гнушаются, и после смерти его останки найдут себе место рядом с европейцем. На здешнем католическом кладбище среди роскошных памятников португальцев вы видите и скромные кресты с китайскими надписями: это китайцы-католики. Не испортили бы эти кресты и богатого английского кладбища-парка, было бы там место и им”[8].

О. Сергей отличается острой наблюдательностью, он умеет замечать вещи и делать выводы. И главное, где бы он ни был и что бы он ни видел, он никогда не забывает о своей принадлежности к православной Церкви, свое призвание и свою первую обязанность — благовествовать слово Божие. Он буквально горит миссионерским пылом, и отсутствие православных миссий во всех местах, через которые он проезжает, вызывает у него глубокое разочарование. Вот как, например, он завершает свой отчет о Колумбо:

“Пришлось глубоко пожалеть, что мы еще не доросли до того, чтобы иметь здесь свою миссию, мы еще замыкаемся в рамках узкого национализма. Заботимся только о своих, забывая, что Господь пришел ко всем без различия и послал апостолов ко всем народам земного шара. Чем наши достойнее, например, хотя бы этих индусов? Скажут, что у нас народа нет. Совершенная неправда. Было бы только желание, народ, то есть церковные деятели, на nive

Господней всегда найдется. Ведь идут же из Духовных Академий во всевозможные ведомства. Нашли же необходимым сократить штаты Академий. Очевидно, мы страдаем не недостатком народа, а избытком его, перепроизводством. Отчего бы не отделить сюда хотя бы двоих? Эти двое, может быть, успели бы что-нибудь начать, может быть, успели бы образовать продолжателей из самих индусов, как, например, теперь в Японии. Скажут, у нас средств нет. Правда, мы беднее каких-нибудь американцев. Но пусть и миссия наша начнется с малого. Бог поможет, потом дойдем и до большего. Ведь тратится же у нас миллион рублей, по самому минимальному счислению, на одни церковные облачения. Вот, хотя бы одну сотую или несколько сотых из этой суммы отделить сюда. Этого было бы на первый раз более чем достаточно. Нет, должно быть не скудость средств и людей тут причиной, а холодность к вере, привязанность только к личному благополучию. Да, еще много нужно нам жить и делать, чтобы вырасти до православной миссии...”[9]

5.

В октябре о. Сергей прибыл в Токио. В то время над городом доминировал только что законченный православный собор — “Николай-до”. Вот что о. Сергей пишет о своих первых чувствах по приезде:

“...на холме белел наш, православный храм, сиял своим крестом на чистом небе. Вот он, это знамя Христово, поднятое из самой середины язычества, смело проповедавшее Христа пред лицом всего мира. Невольно снялись наши шляпы, хотелось молиться о том, чтобы и нам послужить, насколько можем, под сенью этого знамени, для славы этого Святого Креста”[10].

Такие восклицания многие отнесут к юношескому идеализму и пылу новичка; позже-де Сергей повзрослел, заматерел, освободился от юношеского прекраснотушия, приобрел хитрость и цинизм заядлого политика и сделался тем Сергием, каким его знает история.

Конечно, когда Сергей писал эти строки, он был очень молод. Но в задачи этой работы и входит доказательство того, что на самом деле между иеромонахом Сергием и епископом (а затем и патриархом) Сергием не существует качественной разницы. Конечно, в течение жизни Сергей повзрослел и приобрел много опыта, но его мировоззрение сложилось уже в ранней юности, и между 1890 и, скажем, 1927 г. его взгляды не претерпели значительной перемены. Вот как его характеризует Владимир Лосский:

“Напомним две истины веры, к которым он постоянно возвращался, которые он неустанно повторял за долгие годы своего служения Церкви. Первая: в изменчивом и текучем мире Церковь одна остается неизменной, непоколебимой, верной своей задаче в новых исторических условиях. Она должна возжигать в сердцах людей все тот же божественный огонь, сошедший в день Пятидесятницы на апостолов. Вторая: мир управляется Промыслом Божиим, и нет в нем такой автономной области, которая находилась бы вне Божественной воли; поэтому для христиан не может быть ничего случайного в происходящем, ничто не должно их смущать, приводить в замешательство или отчаянье”[11].

Иными словами, мир лежит во зле. Для христианина не должно существовать

принципиальной разницы между православной Российской Империей, языческой Японией и безбожным СССР, ибо все они — от мира сего, безусловно враждебного Церкви. Они приходят и уходят, а Церковь остается единственным критерием добра, правды и красоты “в самой середине язычества”. Характерно, что о. Сергей, будучи корабельным священником, назвал самый торжественный момент дня на русском корабле — подъем флага — “полуязыческим торжеством”[12].

О. Сергей был “пессимистом”: он не верил в торжество Церкви в этом мире. Однако всякий раз, когда казалось, что еще не все потеряно, что возрождение еще возможно, он опять и опять загорался энтузиазмом, переживая жесточайшее разочарование, когда все надежды в который раз бывали опрокинуты действительностью, подтверждавшей самые его мрачные предчувствия.

Вот о. Сергей, созерцая “мерзость запустения” на месте пышности и блеска Софии Константинопольской, пишет рядом с планами и надеждами на великую православную миссию:

“Когда-то здесь было великолепие, перед которым бледнел храм Соломона. Все прошло. Все поругано, заброшено, осквернено. Тяжело и грустно в этом великом храме. Впрочем, не в величии и силе Бог; пришел Он путем поругания и уничтожения. Должно быть, это путь и Его Церкви, если она остается верной Ему”[13].

Предвидел ли он тогда, что не пройдет и тридцати лет, как рухнет мощная Империя, и Русская Церковь пойдет путем “поругания и уничтожения”, доказывая свою верность Господу...

6.

Первое время по прибытии в Японию о. Сергей жил в Токио, изучая японский язык. Свои первые шаги на миссионерском поприще он сделал под непосредственным руководством свт. Николая (Касаткина). Ему посвящены многие страницы в писаниях о. Сергия. Каждая из них — драгоценное свидетельство о жизни, личности и взглядах Апостола Японии, о методах его работы, об истории Японской Церкви. Эти свидетельства дают нам очень много: через них до нас доходит отражение света, излучаемого первым японским православным епископом. Но мы встречаем свт. Николая не только в тех строках, которые писатель посвящает ему непосредственно — всякий раз, когда о. Сергей делится с нами своими мыслями о миссии, мы видим в них отражение опыта свт. Николая, под влиянием которого эти мысли сформировались.

Иеромонах Сергей много путешествовал по японским приходам: вначале сопровождая епископа Николая, а потом уже самостоятельно. Путешествуя, он привыкал к японской жизни, осваивался с церковной ситуацией и методами работы. В декабре 1891 г. его миссионерская работа была прервана временным назначением судовым священником; весной 1892 г. он вернулся в Японию, а в августе был назначен главой прихода в Киото, где пробыл до своего отъезда в Россию.

Все это время о. Сергей не переставал учиться, изучать японский язык и японскую культуру. Он детально изучил буддизм, и его слова о нем показывают

глубокое христианское понимание этой религии:

“Перед мысленным взором воскресает тысячелетняя история буддизма, история подвигов ума, перед которыми — детский лепет вся европейская философия, — история железных усилий воли, во имя учения сковывавших плотскую природу человека. И все эти богатырские старания, все это ничем не утолимое стремление разрешить загадку жизни, должны были кончиться вот здесь под плитой (могильной — *А. Д.*), должны открыть человеку только нирвану, то есть ничто. Бедный человек! Жалкое бытие без смысла, без цели, с загадкой в начале и бесследным уничтожением в конце! К чему страдать, к чему насиловать свою природу, если ей придется пропасть в море чуждой ей и нелюбящей жизни? А человек хочет истины, хочет проникнуть выше и дальше, хочет жить истинно человеческой жизнью. Так и вспоминается Будда с его страдающей улыбкой. Горе тебе, человек, если будешь жить без Бога!”[14]

Приобретенные знания и опыт оказались чрезвычайно полезными о. Сергию, когда он был вторично послан в Японию, на этот раз в качестве помощника начальника духовной миссии.

Сергий много писал о жизни и методах работы православной миссии в Японии. Вот краткое изложение его размышлений и планов.

Он пишет о недопустимости привнесения в миссию русских национальных элементов. Православие — не “русская религия”, но универсальная и всеобщая Церковь, чье откровение обращено ко всем народам без исключения. Это то, о чем постоянно проповедовал свт. Николай.

“От этого Христа происходит и учение, нами теперь проповедуемое. Нельзя назвать его русским или еще каким-нибудь, оно Божие, пришедшее свыше и принадлежащее всем людям без различия страны и народа”[15].

До тех пор, пока Православие будет ассоциироваться с Россией, оно останется иностранной религией, чуждой для японцев. Ситуация усложняется особым японским патриотизмом, который, по наблюдению о. Сергия, носит почти болезненный характер. Поэтому миссионер должен быть сугубо щепетилен в этом вопросе.

“Особенно любят они (баптистские миссионеры — *А. Д.*) подзадоривать ложный патриотизм японцев: православие-де — русская вера, царь — глава их Церкви, и потому всякий, крещеный в православии, должен признать над собой главенство русского императора... Нужно знать, как японцы ревниво относятся ко всему, что касается их долга верности своему императору. Это здесь своего рода поветрие. Притом изо всех иностранных государств более всего не любят здесь Россию, которая в умах японцев является воплощением всего вообще враждебного отечеству”[16].

Единственный путь, которым Православие должно идти, если оно хочет выжить в этой стране — это постепенная интеграция его в японском обществе, интеграция в японскую жизнь и приобретение специфических японских черт: “Пожалуй и лучше, что христианство принимается здесь не для миссионеров: таким образом оно прямо может стать на национальную почву и (следовательно) незыблемо укорениться”[17].

Но “становление на национальную почву” должно проходить естественно и гармонично, оно не может быть подменяемо подделкой и маскарадом. Вот

какие выводы делает Сергей, описывая свою встречу в Гонконге с католическим священником, одетым по-китайски:

“Несмотря на весь этот маскарад, сразу же можно было видеть, что перед нами стоит европеец. Спрашивается, имеет ли после этого смысл перемена одежды, когда национальности своей человеку не скрыть?.. Будь только истинным христианином, истинным посланником Христа, тогда никакая одежда, никакая национальность не повредит проповеди. Конечно, не в костюме дело. Но весьма характерен этот прием: подкрасться незаметно и уловить... Христос так не делал”[18].

Православная миссия трудами свт. Николая всегда стремилась только к одному: быть истинным посланником Христа”. В этом, пишет о. Сергей, и есть ее главная сила.

“...неволью подивисься милости Божией над нашей миссией. Нет у нас ни школ с европейскими программами, ни больниц с целым штатом сестер милосердия, не сыплются из миссии направо и налево всякие “вспомоществования”. Чуждая всяких культурных и политических задач, наша миссия поставила себе целью проповедовать Японии Христа и Его учение в чистом виде, без всяких прибавок и перетолкований. Оттого и благодать Божия, живущая в Церкви Христовой, не покидает и нашей миссии. Эта последняя сильна не материально и не количеством своих деятелей и не их особыми дарованиями, а прямо благодатию Христовой и только ею одной... У нас действуют исключительно японцы, новообращенные, лишь поверхностно образованные. Правда, во главе всего этого стоит преосвященный Николай, воспитывающий проповедников, но ведь он совсем один. Здесь побеждают не люди, а благодать и истина. Миссия бросает семена, а возвращает Бог”[19].

Очень интересны приемы, которыми пользуется миссия. Вот что о. Сергей пишет о них:

“...есть Хозяин этого дела, Который Сам и направляет его, как угодно Ему.

Поэтому и самые приемы нашей миссии носят на себе особый, чисто апостольский отпечаток. Католики и протестанты обычно сами наперед определяют, где будут проповедовать. Обыкновенно выбирается город, чем-нибудь знаменательный, или по торговле, или по своему культурному значению... В избранном городе поселяются миссионеры-европейцы. Заводится школа, больница. На все улицы посылаются катехизаторы-японцы; в народ разбрасываются брошюры религиозного содержания. Одним словом, пускаются в ход все доступные средства, не исключая самой широкой “благодетельности”...

Между тем в нашей миссии прием этот признается неправильным. Наши церкви, теперь разбросанные по всей Японии, зародились и развились сами собою, независимо от планов и соображений миссии. Несколько христиан приходят в город на заработки, для торговли. У них завязываются знакомства, находят еще кого-нибудь верующего. Начинают собираться вместе по праздникам для молитвы и взаимного назидания в слове Божиим, — вот церковь и открыта. Некоторые из язычников спрашивают их о вере, начинаются разговоры, споры, некоторые склоняются к вере. Христиане пишут общее письмо к епископу или чаще на собор, который бывает каждый год, с просьбой

прислать им катехизатора. Если есть свободный, собор и епископ его на просьбу христиан и посылают. Это уже каноническое признание церкви. Отселе она заносится в списки японских церквей, как часть целого.

Конечно, посылаются иногда катехизаторы и просто попробовать, нельзя ли основать церкви в том или другом городе. Но миссия никогда не пыталась поставить свою волю на место Божией, никогда не упорствовала проповедовать, когда убеждалась, что проповедь на данном месте бесполезна, что Воли Божией пока нет, чтобы тут была церковь. Катехизатор переводился куда-нибудь в другое место. И замечательно, что иной раз церковь потом сама завязывалась в оставленном пункте, но завязывалась сама собой, помимо проповеди”[20].

Пишет о. Сергей и об отношении православной миссии к инославным, и о проблеме перехода новообращенных из одного христианского вероисповедания в другое.

“Там (на острове Кюсю — *А. Д.*) православие только еще начинает распространяться, причем должно сильно бороться с инославием, проникшим туда ранее. Не подумайте, впрочем, чтобы наша миссия когда-нибудь занималась пресловутым “уловлением душ”, которым с усердием отличаются и католики и протестанты... У нас этого нет. Приходят к нам из инославия, мы их принимаем, но проповедь нашей миссии всегда направляется на язычников. Если кто-нибудь из этих последних спросит нашего проповедника об инославии, ему советуют пойти к инославному проповеднику и узнать от него, а потом сравнить. «Наше, мол, дело проповедовать Христово учение, а не разбирать чужие дела»”[21].

О. Сергей подчеркивает всю важность богослужения как способа первого знакомства людей с Православием, что справедливо и сейчас в странах с количественно незначительным православным присутствием. Именно богослужению многие лица обязаны появлением первого интереса к Православию и, в конечном итоге, обращением. Именно поэтому построение большого православного храма в Токио было так важно для судеб Православия в Японии.

“Народу... очень много, — и все они смотрят на наш храм, наши иконы, наше богослужение. Не может ли у них зародиться вопрос, зачем все это, что это за вера? Прекрасный предлог начать с язычником разговор о вере. Собор оказался самым существенным пособием для проповеди”[22].

Другой прием проповеди, рекомендуемый о. Сергием — это женская миссия:

“Как много она могла бы сделать для просвещения христианством здешнего народа. Женщина проникает гораздо дальше мужчины, в самую семью, не говоря уже о том, что для женщин-язычниц естественнее и понятнее слышать проповедь от женщины”[23].

Интересно само содержание проповеди, с которой православные миссионеры обращались к язычникам, никогда не слышавшим о христианстве. В своих заметках о. Сергей несколько раз пересказывает проповеди, произнесенные епископом Николаем или им самим. Вот, например, он описывает свою типичную проповедь: он начинает с Богоподобности человека, потом переходит к основным противоречиям в его природе, чтобы затем вывести оттуда необходимость спасения Иисусом Христом[24].

Сергий пишет и о практической стороне дела, о тех внешних условиях, которые помогают распространению христианства. Вот его впечатления от посещения острова Езо (Хоккайдо):

“...сюда переселяются многие из наших христиан с островов старой Японии... В деревнях иной раз образуется церковь, которая... начинает распространять влияние на окружающую среду. Условия же такого распространения на Езо весьма благоприятны. Приходят сюда выходцы разных провинций, с разных концов Японии, селятся они рядом, образуя одну общину. От этого, во-первых, нет здесь такого разнообразия в говорах; крайности, провинциализмы естественно сглаживаются, а во-вторых, нет такого связывающего влияния среды, преданий, как во всех старых городах и селах. Здесь каждый себе господин, соседи ему не указ. Получается своего рода Америка на японский лад. Оттого и перемена веры никого не удивляет, не вызывает ненависти или преследования. Никто не имеет ни права, ни желания навязывать своих обычаев или своего образа мысли другому. Для христианской проповеди — одним препятствием меньше”[25].

Много пишет о. Сергий и о внутренней жизни Японской Церкви. Она первая вернулась к таким “нововведениям”, как ежегодные поместные соборы[26] и избрание клириков всей церковью[27]. О. Сергий благодарно воспринял эти необычные для послепетровской русской церковной жизни “древне-церковные правила”[28]. Раз и навсегда он убедился в той пользе, которую они приносят церковной жизни. Через 15 лет, в 1906 г. эти два пункта будут фигурировать в отзыве преосвященного Сергия, архиепископа Финляндского, по вопросу о церковной реформе в России.

Вместе с тем во многих аспектах о. Сергий остается человеком своего времени. Например, его приводит в восторг весь тот блестящий сусальным золотом “кич”, которым так любили украшать церкви в то время.[29]. К Причастию он относился прежде всего как к долгу православного мирянина[30], и с умилением сообщает о японских семинаристах, которые без всякого давления со стороны причащаются целых три (!) раза в год:

“Ученики наши говеют в великом посту дважды. Нередко приобщаются некоторые из них и среди года по какому-нибудь случаю или *просто по желанию* (курсив мой — А. Д.)”[31].

Но, несмотря на несомненный литургический консерватизм, у о. Сергия может промелькнуть и такое замечание:

“Иконостаса еще нет (речь идет о новопостроенной часовне — А. Д.), да, пожалуй, для начинающих христиан гораздо поучительнее без иконостаса: они могут таким образом видеть совершение величайшего из таинств”[32].

Интересны отзывы Сергия о японской семинарии:

“В общем программа та же, что и в наших семинариях, только японцы освобождены от классической обузы, которая так тормозит наше богословское учение и во многих отношениях портит его и замедляет. Японцы не учат латыни, однако живы и понимают богословие не хуже наших латиноведов, а курс оказалось возможным сократить до семи лет (вместо наших десяти). Преподавание ведется на японском языке, но учебники (по большей части русские) не переведены. Русский язык преподается в младших классах так, что

старшие могут... читать довольно хорошо, некоторые отчасти и говорят. Впрочем, руссификация японцев совсем не входит в задачи миссии; она имеет целью только научить японца христианству. Русский язык преподается в семинарии просто для того, чтобы семинаристы могли потом читать русские богословские книги, переводить и пр. ...”[33].

О. Сергей с радостью отмечает, что в японской семинарии нет той отчужденности между учителями и воспитанниками, которая была нормой в русских духовных и гражданских школах. В семинарии епископа Николая все отношения были естественны, просты и близки[34].

Японская Церковь в начале века была уже живым организмом и обладала многими достоинствами. Но были и недостатки. Церковь еще не была финансово независимой, ее существование зависело от пожертвований Русской Церкви. Политическое положение на Дальнем Востоке было напряженным, противоречия между Японией и Россией нарастали. Многие предсказывали войну. Сможет ли выжить молодая Церковь, если она лишится финансовой поддержки? Поэтому чем раньше она сможет приобрести материальную самостоятельность, тем лучше.

“За требы у нас... плата не берется, так как священники получают от миссии жалование, но, конечно, всякую жертву в пользу священника нужно поощрять, так как это прямой путь к церковной самостоятельности японцев (в материальном отношении)”[35].

“Церковь, независимая материально совне, имеет в себе прочную гарантию на долговечность, да и более привлекает к себе людей. Притом и проповедник перед глазами внешних свободен от лишнего нареkania. Это начинают сознавать и сами японцы; то и дело среди христиан раздаются голоса о необходимости самим содержать церковь... Только... все еще сказывается привычка пользоваться готовым, а не жертвовать своим на церковь. В этом немало виноваты и сами иностранные миссии со своим всегда открытым кошельком”[36].

Другой серьезный недостаток молодой Японской Церкви — это низкая посещаемость храмов. Причина этого — отсутствие привычки к богослужению у новообращенных.

“...здешние христиане только вчера пришли в церковь; вера у них есть, но церковный строй им совершенно незнаком и непривычен, каждую мелочь его нужно еще узнать, а узнав, приучить себя к ней... Много, конечно, причиной здесь и то, что сами наши проповедники никогда воочию церковной жизни не видели, церковным строем не жили. Они знают только церковное вероучение, умеют очень хорошо проповедовать, знают, что богослужение и пр. необходимы для Церкви, но, как сами непривычные к церковному строю, не могут научить ему и других”[37].

В результате праздники в Японской Церкви почти не отмечались.

Немало заботила Сергия и другая серьезная проблема — редкое служение Литургии во многих приходах: священники обходились обедницей[38]:

“Нечего и говорить, какой это урон для духовной жизни человека, тем более священника, да и для Церкви вред большой: где нет Евхаристии всенародной, там, собственно говоря, нет и Церкви, там причащение становится

исключительно делом личным, частным, совершаемым, когда мне нужно и без всякого отношения к моим живым и умершим собратьям по вере”[39].

Еще одна слабость Японской Церкви — это отсутствие монастырской жизни:

“Одного только нет в Японии: нет в ней монастыря и нет среди японцев монахов, как было в самые первые времена христианства у нас в России. Монастырь послужил бы незыблемой точкой опоры для всего будущего, в нем бы воспитались первые японские архипастыри, находили бы себе нравственный покой и поддержку все утомившиеся труженики на ниве Господней. Монастырь этот всегда был любимой мечтой и преосв. Николая, но мечта эта, как она ни сладка, ни завлекательна, до сих пор остается мечтой”[40].

“Есть здесь и подходящее место для монастыря, несомненно нашлись бы ревнители и из японцев, только вот нет тех, кто мог бы послужить руководителями и первоначальниками этих ревнителей. Без руководства же начинать монашества нельзя, в этом деле более, чем где-либо, необходимо устное предание, влияние живой личности, — мертвая буква руководить не может”[41].

Но, несмотря на все ее недостатки и несовершенства, Японская Церковь жила, росла и крепла. Сергей был уверен в ее будущем, дерзновенно (хотя и немного риторически) сравнивая ее с ранней Церковью, только что основанной апостольской проповедью в середине языческого мира:

“...небольшое православное стадо почти пропадает в сорокаmillionной массе язычества. Но оно борется и понемногу побеждает. Борцы, конечно, тоже люди, подвержены и слабостям человеческим... Но эти убогие борцы, со слабостями, со своим ничтожным образованием, лишенные всякого... почетного положения в обществе, проповедующие веру, которую все называют русской верой (а из России, по европейскому и японскому убеждению, может ли добро быть?), эти борцы, которых встречает в языческом обществе презрение и клевета в измене отечеству, тем не менее стоят против всемогущего мира и медленно, но верно продвигаются вперед за своим вождем... Невольно вспомнишь слово Спасителя: не бойся, малое, поистине малое и убогое стадо, ибо вам завещаю Я царство. Конечно, и это здешнее японское царство только нудится и только с усилием достигается и не вдруг... Но Церковь Православная в народе существовать все-таки будет и именно не в качестве иностранного гостя, как католичество и протестантство..., православие будет родным для японцев, их национальным достоянием, как сделалось оно для нас, русских, для болгар, для арабов, как оно есть для греков, от которых мы приняли его. Никто из нас теперь не скажет, что он верует в греческую веру, она наша, родная, народная. Так будет потом и в Японии”[42].

“Дело Божие не пропадет в Японии, вопреки всем надеждам и ожиданиям несочувствующих ему здесь и там. Будет время, когда там не будет, может быть, ни одного русского, когда прекратится поток пожертвований из России, это нанесет, конечно, глубокую рану церковному делу, но рана эта опять-таки будет только временная, потому что японская миссия имеет в себе залог жизни, несомненный залог и именно в том, что она живет своей жизнью и теперь. У ней есть и священники и проповедники и пр., и все это свое, воспитанное здесь, воспитанное учителями-японцами, в японском духе. У японской Церкви есть и

то святое семя, которым стоит мир: это те ее истинные члены, которые разбросаны по всем ее многочисленным общинам... которые... уверовали во Христа и веруют в Него, и будут веровать, зажигая и других своей верой” [43].

В начале 1899 г. архимандрит Сергей получил указ о возвращении в Россию: он был назначен ректором Санкт-Петербургской Духовной семинарии. Второй раз он прощался с Японской Церковью, на этот раз — навсегда.

[1] Глава из работы: *А. Дворкин. Жизнь, личность и взгляды Сергея Страгородского, епископа Ямбургского и архиепископа Выборгского и Финляндского (будущего Патриарха Московского и всея Руси) до 1917 года. Диссертация на соискание степени кандидата богословия. Свято-Владимирская Духовная Академия, Нью-Йорк, 1983. Печатается с небольшими сокращениями.*

[2] *Епископ Сергей. Речь на молебне по поводу 15-летия проповеднической деятельности студентов СПб. Духовной Академии (1887—1902) при “Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения” // Сергей, епископ Ямбургский. Слова и речи. СПб., 1905, сс. 66—67.*

[3] Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947, с. 19.

[4] *Лихачев Д. С. Комментарии к “Хождению” игумена Даниила // Памятники литературы древней Руси. XII век. М., 1980, с. 627.*

[5] *Архимандрит Сергей. На Дальнем Востоке. Письма Японского миссионера. Арзамас, 1897, сс. 59—60.*

[6] Там же, с. 40.

[7] Там же, с. 56.

[8] Там же, сс. 190—191.

[9] Там же, с. 42.

[10] Там же, с. 85.

[11] *Лосский В. Н. Личность и мысль святейшего Патриарха Сергея // Патриарх Сергей и его духовное наследство, с. 264.*

[12] *Архимандрит Сергей. На Дальнем Востоке, с. 187.*

[13] Там же, с. 11.

[14] Там же, сс. 155—156.

[15] *Архимандрит Сергей*. По Японии. Письма о миссионерском путешествии // Богословский Вестник (Свято-Троицкая Сергиева Лавра) № 2, 1899, с. 412. Далее: БВ.

[16] Там же, с. 611.

[17] *Архимандрит Сергей*. На Дальнем Востоке, с. 113.

[18] Там же, с. 192.

[19] Там же, сс. 119—120.

[20] Там же, сс. 120—121.

[21] Там же, сс. 211—212.

[22] Там же, с. 138.

[23] Там же, с. 199.

[24] Там же, с. 244.

[25] *Архимандрит Сергей*. По Японии // БВ № 1, 1899, с. 627.

[26] *Архимандрит Сергей*. На Дальнем Востоке, с. 139.

[27] Там же, с. 142.

[28] Там же, с. 142.

[29] Там же, сс. 133—134.

[30] *Архимандрит Сергей*. По Японии // БВ № 1, 1899, с. 627.

[31] *Архимандрит Сергей*. На Дальнем Востоке, с. 142.

[32] *Архимандрит Сергей*. По Японии // БВ № 1, 1899, с. 635.

[33] *Архимандрит Сергей*. На Дальнем Востоке, с. 91.

[34] Там же, с. 93.

[35] *Архимандрит Сергей*. По Японии // БВ № 2, 1899, с. 609.

[36] Там же // БВ № 1, 1899, с. 641.

[37] Там же // БВ № 3, 1899, с. 136.

[38] Обедница — богослужение, совершаемое по чину Литургии, но без Евхаристического канона и, соответственно, без причащения. Чаще (и правильнее) обедница называется *чин изобразительный*. — *Ред.*

[39] Там же, с. 656.

[40] *Архимандрит Сергей*. На Дальнем Востоке, с. 277.

[41] *Архимандрит Сергей*. По Японии // БВ № 3, 1899, с. 138.

[42] *Архимандрит Сергей*. На Дальнем Востоке, с. 232.

[43] Там же, сс. 277—278.